

сопоставить в этом отношении «Житие Петра» с житиями Евфимия Тирновского, в которых обязательным элементом является рассказ о пустынножительстве святого, о демонологических искушениях и о плотском самоистязании. У Евфимия эти описания носят фантастический характер, насыщены риторичностью, являются предлогом для размышлений автора по вопросам богословско-исихастского характера.

После рассказа об иконописных трудах Петра в обоих житиях повествуется о создании Петром собственного монастыря на реке Рате. В первоначальном житии это сообщение кратко и лаконично, но уже и здесь автор, говоря о всеобщей известности описываемого им святого, употребляет обязательное почти для каждого жития метафорическое сравнение: «Не утай бо бог таковаго светильника, якоже бо евангелист глаголет: Не может град укрытися верху горы стояй, ни вжег светильника покрыть съсудом». У Киприана этот эпизод дополнен рядом подробностей. Он начинает свой рассказ о ратском монастыре с того, что Петр уходит из первой обители «благословениемъ и повелениемъ наставника своего». Эти слова прямо перекликаются с положениями о правилах монастырской жизни, перечисляемыми Киприаном в Послании Афанасию, где он много говорит о том, что инок не может уходить из монастыря без благословения своего наставника. Краткое сообщение первоначального жития о построении церкви во имя Спаса и о создании монастыря Киприан развивает и дополняет: «И исходить убо от обители, и обходить округь места она пустыннаа, и обретаеъ место безмолвно на реце, нарецаема Рата (Рата), и ту жилище себе водружаеъ, и труды многы подъемлетъ, и болезни к болезнемъ прилагает, и поты проливаетъ, и церковь воздвизает во имя Спаса нашего Исуса Христа, и келии воставляет в пребывание приходящей к нему братии. И в мале времени собрася к нему не мало число братии, и сей убо блаженны печашеся о их спасении, яко отецъ чадолюбивъ, и не точию словом учаше сих, но и деломъ большее наказаше тех».

После этого Киприан подробно описывает нищелюбие Петра, подтверждая цитатами из евангельских текстов необходимость давать щедрую милостыню. Эти распространения в значительной степени носят литературный характер, это то украшение, которого, по мнению Киприана, не доставало в имевшемся житии святого. Однако это украшение нельзя назвать ни слишком витиеватым, ни слишком многоречивым, оно сделано уместно, искусно и для современного читателя вполне конкретно, так как за обобщенными словесно-литературными образами, характеризующими труды святого по созданию своего монастыря, стояли действительные исторические факты. Кроме того, для Киприана описание монастырских трудов и обычаев, в частности нищелюбия и милостыни, имело и практически-наравоучительное значение, а не являлось только общим местом.

Так же как и автор первоначального жития, Киприан приводит метафору-сравнение: «не может бо град укрытися». Но если в первоначальном житии после этой фразы идут слова о том, что святой подарил написанную им икону Богородицы митрополиту Максиму и чрез это как бы прославился и стал известен, то в киприановском житии все построено более логично, подробнее исторически и более искусно в литературном отношении. Рассказав о праведной и богоугодной жизни Петра и приведя названное метафорическое сравнение, Киприан говорит о том, что добродетельное житие Петра «и князю тогдашнему во слух преиде... и вельможамъ такожде, и, просто реши, всей стране и земли оной». После этих слов Киприан прибавляет: «Тогда бо бяше во своей чти и времени земля Вельнскаа, всякомъ обильствомъ преимущи славою, аще и ныне по многих ратех не такова». И только после этого Киприан рассказывает о встрече